

На правах рукописи

Абдуллина Дилария Маратовна

К о р а н и ч е с к и е м о т и в ы
в творчестве Габдуллы Тукая

10.01.02. – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2005

Диссертация выполнена на кафедре татарской литературы
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Казанский государственный
университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель – **Ганиева Резеда Кадыровна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Нурмухаммет Шагвалеевич Хисамов

кандидат филологических наук, профессор
Наип Хабибназарович Лаисов

Ведущая организация – Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет

Защита состоится 10 ноября 2005 года в ... часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.12 в Казанском государственном
университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул.
Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета им.
В.И.Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан октября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Загидуллина Д.Ф.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. На рубеже второго и третьего тысячелетий необычайно актуальными стали проблемы осмысления духовных основ российской культуры, объективного отражения специфики философий христианства и ислама в художественной литературе. При изучении данной проблемы интересен опыт и татарской философско-этической и литературно-эстетической мысли конца XIX – начала XX веков, представляющих собой эпоху религиозного и художественного возрождения. Одаренным представителем, энциклопедически широко и глубоко отразившим в своем творчестве национальное самосознание, духовно-религиозные парадигмы этого исторического периода был выдающийся поэт Габдулла Тукай (1886 – 1913).

Художественный мир Габдуллы Тукая, представляющий собой синтез традиций Востока и Запада, формировался в контексте тюрко-татарской, арабо-персидской, европейско-русской культур и литератур, общественно-философской и литературно-эстетической мысли. В XX веке, особенно в годы советской власти, когда культивировались репрессивные методы борьбы с религией, предпочтение отдавалось изучению лирики, сатиры, критической, переводческой и журналистской деятельности Тукая, в особенности связей с русской, частично европейскими литературами сквозь призму марксистско-атеистической мысли и революционного движения народов Российской империи. При этом непреходящие ценности мусульманской цивилизации, в особенности Восточного Ренессанса, подвергались идеологическому остракизму вульгарных социологов, объявлялись реакционными, заслуживающими искоренения, преследования и резкого осуждения. Между тем, кораническая философия с ее высочайшим

гуманизмом оказала сильнейшее воздействие на мировоззрение и художественное мышление Габдуллы Тукая, неоднократно подчеркивавшего свою приверженность к Священной Книге. В стихотворении «Мое завещание» («Васыятем», 1909) он писал:

*Дусларым, кардһилһрем, сез муллаларга һйтегез:
Бу ике юлны, мине кьмгһч, укырлар кабремһ.
Биле тһкфир бер гакһплһнсен, кьреп актык сьзем:
Кьр, нһ рһсмһ тулган иман берлһ Корьһн садремһ!*

*О друзья мои, родные, вы скажите муллам – пусть
На могиле, как схоронят, эти две строки прочтут.
Кто клеймил меня неверным – поразится тем словам,
Увидав, как наполняли душу вера и Коран.*

(Перевод Г. Идиятуллиной)

Действительно, коранические изречения, мотивы, сюжеты, образы постоянно присутствуют в поэзии, прозе, публицистике Габдуллы Тукая. Несмотря на официальное разрешение в наши дни государством религии, начавшееся возрождение ислама и оживленные дискуссии вокруг него, научно-теоретическое осмысление влияния коранической этики и эстетики на творчество Габдуллы Тукая по сей день остается наименее изученной частью культурного наследия. Именно этим объясняются актуальность темы диссертации и наше обращение к исследованию коранических мотивов в творчестве Габдуллы Тукая.

Степень изученности темы. На протяжении всего двадцатого века творчество Габдуллы Тукая являлось предметом пристального внимания татарского литературоведения и общественно-философской мысли. История его изучения с выходом на религиозные проблемы имеет несколько этапов: досоветский, советский (годы тоталитаризма и посттоталитаризма) и постсоветский.

В дооктябрьский период литературное наследие Тукая в свете религиозной тематики глубоко изучается татарскими и турецкими литературоведами и писателями, такими как Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Фуад Кюпрюлезеде и др. В 1920–30 годы – период воинствующего

советского атеизма перечеркиваются прежние положительные оценки и определения деятельности Тукая как народного, национального поэта. Стихотворения, написанные на коранические мотивы, объявляются чуждыми для строителей социалистического общества, подвергаются резкой критике; не отмечаются юбилейные даты жизни и смерти поэта. За упоминание Бога в стихах Тукай причисляется к разряду религиозных поэтов. Нередко подобные произведения поэта преподносятся читателю с сокращениями и искажениями.

В посттоталитарные десятилетия отношение к личности и литературному наследию Тукая переживает резкую метаморфозу: из религиозного «шовиниста-националиста» он превращается в «интернационалиста» (Гаяз Исхаки), поэта-атеиста, ниспровергателя небес (З. А. Ишмухаметов). Давление коммунистической идеологии испытали на себе многие татарские литературоведы тех лет, в том числе тукаеведы Я. Агишев, М. Гайнуллин, И. Пехтелев, Р. Башкуров, Х. Усманов, Г. Халит, И. Нуруллин, Р. Нафигов и другие.

Распад Советского Союза, восстановление права на свободу совести и вероисповедания, закрепление их законами привели к возрождению православия и ислама, росту религиозности населения, активизации ученых в изучении философии теологии, религиоведения, забытых этических ценностей в контексте различных гуманитарных наук на стыке религиозного сознания и различных культур, и в особенности литератур России.¹

¹ Матвеева Н. П. Библизмы в русской словесности: Словарь-справочник / Н. П. Матвеева // Русская словесность. – 1993. – № 2 – 5, 1994. – № 1– 5, 1996. – №1, 2, 1998. – №1; Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов / В. Н. Захаров, А. Е. Кунильский, А.Б. Муратов и др. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та. – 1994. – 376 с.; Измайлова (Зуева) А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. С. Измайлова; Удмуртский гос. ун-т. – М., 1998 – 39 с.; Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике 19 в.: логика жанровой эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Афанасьева Э. М. Томский гос. педаг. ин-т. – Томск, 2000. – 22 с.; Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: К проблеме религиозных исканий русского романтизма: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Д. В. Долгушин; Томский гос. ун-т. – Томск, 2000. – 20 с.; Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ж.Р. Колесникова; Томский гос. ун-т. – Томск, 2001. – 15 с.; Панова О.Б. Религиозно-мифологические основы эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» (проблемы поэтики и онтологии): Автореф. ... дис. канд. филол. наук / О. Б. Панова; Томский гос. ун-т. – Томск, 2002–24 с.

Возрос интерес татарских ученых и к изучению тафсиров – толкований Священной Книги, хадисов – деяний и изречений пророка, эτικο-эстетических особенностей различных течений суфизма, преломленных через призму коранических мотивов и философии ат-Таухид, легших в основу народного творчества и художественного мышления многих тюркских и татарских поэтов Средневековья и Нового времени.¹

Проблемы арабоязычной книги, коранической и суфийской философии в контексте татарской культуры и литературы, каноничности эτικο-эстетической мысли, сюжетов, образной системы в литературе и искусстве мусульманского Востока – в центре внимания исследований, посвященных арабо-персо-русско-татарским культурным и литературным связям.²

¹ Сибгатуллина Ы. Суфичылык серлѳре: (Тѳрки-татар шигъриятендѳ дини-суфичыл символлар, образлар, атамалар) / Ы.Сибгатуллина.– Казан: Заман, 1998. – 368 б.; Зайнуллин Дж. Г. Во имя Аллаха... Татарская богословская литература XVIII – начала XX веков и ее языковые особенности / Дж. Г. Зайнуллин. – Казань: Магариф, 1999. – 238 с.; Сибгатуллина Ы. Т. Илаци гашыйклар юлыннан: (Суфичылык турында очерклар) / Ы.Т. Сибгатуллина. – Казан: Кыйбла, 1999. – 143 б.; Камалетдинова Г. А. Принципы перевода хадисов и их лингвистические особенности (на материале «Джавамигуль – калим шархе» Р. Фахретдина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Камалетдинова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – 21 с.; Сибгатов Ф. Ш. Башкорт ѳдѳбиятында Коръѳн мотивлары / Ф. Ш. Сибгатов. – Ыѳе: Гыйлем, 2000. – 148 б.; Яхин Фѳрит. Татар шигъриятендѳ дини мистика цѳм мифология / Фѳрит Яхин. – Казан: ТДГИ нѳшр., 2000. – 268 б.; Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество / А.Х.Садекова. – Казань: Фикер, 2001. – 208 с.; Пылев А. И. Ходжа Ахмад Йасаи – первый суфийский поэт Средней Азии (жизнь и творчество): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Пылев; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург. – 2001. – 26 с.; Хасавнех А. А. Эτικο-эстетические воззрения поэта-суфия XIX века Ахметзяна Тубыли: Дис. ... канд. филол. наук. / А. А. Хасавнех. Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 215 с.; Гомѳров И. Г. Гали Чокырый икатыныѳ идея – эстетик ѳзенчѳлеклѳре: Филол. фѳн. канд. ... дис. / И. Г. Гомѳров; Казан дѳнл. ун-ты. – Казан, 2003. – 178 б.; Ногманова Н. М. Кол Галинеѳ «Кыйссаи Йосыф» поэмасында ѳт-Тѳнхид фѳлѳсѳфсенеѳ сѳнгатьчѳ чагылышы: Дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Ногманова; КДУ. – Казан, 2003. – 185 б.

² Булатов Ынѳѳр. Коръѳн цѳм Пушкин / Ынѳѳр Булатов //Шѳири Казан. –1992. – 19 июнь; Миѳнегулов Х. Й. Коръѳн цѳм Шѳрык ѳдѳбияты / Х. Й. Миннегулов. – Мѳгариф. – 1993. – №3.– 15-17 б.; Дубин Абдулла. Урыс шигъриятендѳ Коръѳн ацѳннѳре / Абдулла Дубин //Мѳдѳни кѳмга. — 1997. – 11 июль; Саяпова А. М. Поэзия Дердменда и символизм /А. М. Саяпова. – Казань: КГПИ, 1997. – 210 с; Ганиева Р. К. Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали / Р. К. Ганиева. – Казань: Изд-во КГУ, 1988. – 170 с.; Ганиева Р. К. Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах: Дисс. ... докт. филол. наук / Р. К. Ганиева; КГУ. – Казань, 1992. – 325 с.; Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика. (Вопросы взаимосвязей и поэтики) / Х. Ю. Миннегулов.– Казань: Изд-во КГУ, 1993. – 384 с.; Сайфуллина Гузель. Музыка священного Слова. Чтение Корана в традиционной татарско-мусульманской культуре / Гузель Сафиуллина. – Казань: Татполиграф., 1999. – 230 с.; Сафиуллин Кѳмил. А. С. Пушкин икатында Коръѳн / Кѳмил Сафиуллин // Казан утлары. – 1999. – № 6. – 92 – 99 б.; Яхин Фѳрит. Татар шигъриятендѳ дини мистика цѳм мифология / Фѳрит Яхин. – Казан: ТДГИ нѳшр. – 2000. – 266 б.; Шамсутов Р. И. Искусство татарского шамаила (сер. XIX – нач. XX в.) / Р. И. Шамсутов. – Казань: Регентъ, 2001. – 184с.; Дубин Хаќи Абдулла. Безне Тѳнѳре бер иткѳн. Урыс поэзиясендѳ Коръѳн мотивлары / Абдулла Хаќи Дубин // Ватаным Татарстан. – 2001. – 2 февраль; Давлетшин Кутдус Давлетович. Проблемы взаимосвязи национальных и религиозных компонентов культуры и быта / Кутдус Давлетович Давлетшин. – М.: 2002. – 337с.; Ганиева Резеда. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Резеда Ганиева. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – 272 с.; Сафиуллина Р. Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья / Р. Р.

Заметный прогресс в изучении роли религиозно-мистических традиций ислама наметился в тукаеведении постсоветского периода. Определенную лепту в восстановление утраченной в советское время объективности изучения отношения Тукая к исламу и связей его творчества с философией Корана и мусульманскими литературами внесли религиоведы, историки, литературоведы, фольклористы.¹

Методология и методика исследования диссертации основаны на герменевтике, пустившей глубокие корни в литературах Востока еще с VII века, т. е. со времен выхода Священной Книги мусульман на арену мировой культуры. Умение интерпретировать Коран в развернутых тафсирах, поступки и высказывания пророка в хадисах, а также оставаться верным традиционализму, следовать каноничности в сочинении разнотипных назира, таклидов-подражаний, т. е. парафраз и интертекстуальность,

Сафиуллина. – Казань: Открытое общество, 2003. – 113 с.; Ахунов А. М. Исламизация Волжско-Камского региона (VII –X вв.): на материале арабских и старотатарских источников / А. М. Ахунов. – Казань: Отечество, 2003. – 216 с.; Шамсутов Р. И. Слово и образ в татарском шамаиле от прошлого до настоящего / Р. И. Шамсутов. – Казань: Таткнигоиздат, 2003. – 199 с.; Хайдаров Л. И. Вопросы арабской литературы в татарском литературоведении начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Хайдаров; КГУ. – Казань, 2004. – 196 с.

¹Зарипова Ч. А. Тукай шигъриятендѣ дини мотивлар чагылышы / Ч. А. Зарипова // Тукай цѣм XX гасыр мѣдѣнияте. (Шагъйрьнеѣ 110 еллыгына багышланган халыкара конференция материаллары) – Казан, 1997. – 129-135 б.; Саяпова А. М. Тукай и Дердменд: к проблеме суфийских традиций в творчестве поэтов / А. М. Саяпова // Тукай цѣм XX гасыр мѣдѣнияте. (Шагъйрьнеѣ 110 еллыгына багышланган халыкара конференция материаллары. – Казан, 1997. – 109-115 б.; Нѣккаш-Исмѣгъиль Н. «...Иман берлѣ Корѣн тулган садремѣ». (Тукай икатында дини мотивлар цѣм борынгы ѣдѣбият традициялѣре) / Нѣккаш-Исмѣгъиль Н. // Тукай цѣм XX гасыр мѣдѣнияте. (Шагъйрьнеѣ 110 еллыгына багышланган халыкара конференция материаллары). – Казан, 1997. – 227-233 б.; Абузяров Р. А. Интеграция культур Востока и Запада в творчестве Габдуллы Тукая и его роль в формировании евразийского пространства / Р. А. Абузяров // К истокам евразийской культуры. Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная Г. Тукаю (Уральск, 14-17 мая 1997г.). Ч. III. Под ред: Р. Нафикова, Р. А. Абузярова. – Казан, 1998. – С. 28-35. Надир Дѣнлѣт. Исламские истоки творчества Тукая / Надир Дѣнлѣт // Бектимиров Ф. Абузяров Р. А., Туаева З. И. и др. К истокам евразийской культуры. – Казань, 1998. – С 53 – 69.; Салихѣан Харис А. Пушкин цѣм Г. Тукай икатында Корѣн ацѣннѣре / Харис Салихѣан. – Казан: Иман, 2001. – 22 б.; Миѣнегулов Х. Й. Тукай цѣм Шѣрекѣ ѣдѣбиятлары / Х. Й. Миѣнегулов // Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конференции. – Казань: Фикер, 2002. – 95-107 б.; Ганиева Резеда. Шагъйрьнеѣ рухи дѣньясы / Резеда Ганиева. – Казан: ТаРИХ, 2002. – 112 б.; Гыйлѣкев Т. Ш. 20 еллар ѣдѣби тѣнкыйтендѣ Тукай икаты / Т. Ш. Гыйлѣкев // Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конференции. – Казань: Фикер, 2002. – 129-138 б.; Хисамов Н. Ш. Тукайны тѣшенѣ юлында / Н. Ш. Хисамов. – Казан: ТаРИХ, 2003. – 80 б.; Рѣмиев Зѣлѣр. Тукай цѣм замандаш ѣдиплѣр / Зѣлѣр Рѣмиев. – Казан: ТаРИХ, 2004. – 36 б.;

воспринимались теоретиками мусульманских литератур как «священная герменевтика».

Разумеется, сама тема диссертации обусловила наше обращение к герменевтике, т. е. сочетанию при анализе коранических мотивов в творчестве Тукая с терминами и моделями западно-европейского и российского литературоведения. Одновременно при решении поставленных задач соискатель пользовался компаративистикой, постоянно сопоставляя коранические суры¹ и аяты² с произведениями Тукая на религиозную тематику.

Научно-теоретической базой исследования по исламу и мусульманским литературам послужили труды Г. Э. Грюнебаума, Б. Я. Шидфар, И. М. Фильштинского, Л. И. Климовича, А. В. Сагадеева, Е. А. Бертельса, А. Б. Куделина, М. В. Пиотровского, М. Т. Степанянц, В. П. Полосина, Т. К. Ибрагима и др. Неоценимую помощь при осмыслении фактического и теоретического материалов оказали тафсиры, комментарии к Корану И. Ю. Крачковского, Валерии Пороховой, Мэулана Мухаммеда Али, Камиля Бикчентаева, Рабита Батуллы, а также хадисы, составленные имамом аль-Бухари, сиры – жизнеописания пророка ибн Хишама, Сафи ар-Рахмана аль-Мубаракфури, В. Ф. Пановой, Ю. Б. Вахтина и др.

При комплексном подходе к проблеме «Тукай и религия» мы учли опыт татарских ученых-философов, историков, политологов, религиоведов, как, например, Р. М. Амирханова, И. И. Ганиева, М. М. Махмутова, М. Х. Юсупова, А. Н. Юзеева, Р. А. Набиева, Р. М. Мухаметшина, А. Г. Хайрутдинова и ряда авторов коллективных сборников.

Главной предпосылкой в изучении коранических мотивов в творчестве поэта Габдуллы Тукая явились труды известных татарских писателей, тукаеведов Дж. Валиди, Г. Ибрагимова, Г. Газиза, Г. Рахима, Г. Сагди,

¹ Сура – буквально «возвышенное», «высокая степень», а также «ряд», «ранг», «один из уровней», «одна из ступеней». Впоследствии термин стал означать «главу Корана», «часть коранического текста».

² Аят – чудесное знамение, весть, божественное послание. Лексема «аят» применяется к отдельному стиху Священного Корана. Всего аятов в Коране – 6247, а со стихом «Бисмиллах», открывающим каждую главу – суру – число аятов 6360.

Г. Нигмати, Ф. Бурнаша, Г. Исхаки, М. Гайнуллина, Г. Халита, И. Нуруллина, Х. Усманова, М. Хасанова, Ю. Нигматуллиной, Т. Галимуллина, Н. Хисамова, Х. Миннегулова, Ф. Мусина, Ф. Галимуллина, З. Рамеева, Р. Ганиевой, Н. Лаисова, Д. Загидуллиной, А. Саяповой, Э. Галиевой, Т. Гилязева и др.

Использованные диссертантом источники и литературу можно разделить на две части. В первую часть включен большой разнородный по содержанию пласт научно-критической литературы татарских писателей, литературоведов, обществоведов об отношении Габдуллы Тукая к религии и кораническим мотивам его творчества.

Вторую часть составляют ставшие предметом исследования религиозные произведения поэта, опубликованные в арабской, латинской графике и кириллице на протяжении века (1905–2005).

Цель и задачи исследования. Главная цель предлагаемой диссертации – дать целостный анализ коранических мотивов в творчестве Габдуллы Тукая, выявить специфику идейно-художественного отражения их в жанровой структуре, образной системе лирики и прозы поэта.

В соответствии с поставленной целью предстоит решить нижеследующие задачи:

- проследить мировоззренческую эволюцию поэта и показать отношение татарской общественной и литературно-критической мысли XX века к религиозным мотивам в творчестве Габдуллы Тукая;
- осмыслить суть религиозно-этических исканий поэта в усовершенствовании человека и татарского общества начала XX века в свете духовных ценностей Корана;
- изучить жанр молитвы в поэзии Тукая, перенятый им из молитвенной лирики М.Ю.Лермонтова;
- раскрыть жанровую специфику назира и таклидов поэта на коранические сюжеты и мотивы;
- выявить виды и формы интертекстуальных связей между сурами

и аятами Корана с религиозными стихами поэта.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в истории татарского литературоведения предметом специального изучения стали коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая в контексте мусульманской культуры, объявленной в годы советской власти вредной для трудящихся масс. Несмотря на то, что у поэта имеется цикл стихотворений духовного содержания, его проза и публицистика пронизаны цитатами, реминисценциями, аллюзиями из Корана, которые по сей день оставались вне литературоведческого анализа. Лишь в конце двадцатого столетия начался процесс нового герменевтического прочтения и толкования коранических мотивов творчества Тукая.

Соискателем вводится в научный оборот большое количество литературно-критических статей на тему «Тукай и религия», что дает возможность прийти к новым выводам в раскрытии темы «Религия и литература», взаимоотношений личности государства и ислама в татарском обществе XX века.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования основных ее положений в разработке школьных, вузовских учебных программ, лекций, семинарских занятий, спецкурсов по творчеству Габдуллы Тукая и истории осмысления ислама в татарском религиоведении дооктябрьского периода.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в пяти статьях автора, опубликованных в «Ученых записках», журнале «Национальная культура», а также прозвучали в выступлениях на ежегодных итоговых конференциях в Казанском государственном университете и в докладе, посвященном 115-летию со дня рождения Габдуллы Тукая.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы; рассматриваются история изучения вопроса, разработанность проблемы и источники; определяются предмет и объект, цель и задачи исследования, его методологические и теоретические принципы; раскрываются научная новизна, практическая значимость, а также приводится структура диссертации.

Первая глава – «История изучения религиозных мотивов в творчестве Тукая» довольно обширна и состоит из пяти параграфов, посвященных исследованию досоветского, советского и постсоветского периодов в социокультурном контексте.

При изучении религиозных воззрений Габдуллы Тукая необходимо принимать во внимание, что он родился в семье муллы. И по материнской, и по отцовской линии предки были священнослужителями. Рано оставшись сиротой, будущий поэт живет и воспитывается в глубоко религиозных татарских семьях в деревнях Училе и Кырлай, городах Казань и Уральск. Тукай учится в знаменитом мусульманском медресе «Мутыгия», у известного исламоведа – ахуна и хазрета Мутыгуллы Тухватуллина, прилежно изучает арабский язык и Коран; знакомится с широкораспространенными среди татар религиозно-суфийскими произведениями на арабском, персидском, тюркских языках. Сращенность образа жизни, духовных исканий поэта с исламско-кораническим учением отмечают все известные писатели, литературоведы, музыковеды, религиоведы, как, напр., Дж. Валиди, Г.Ибрагимов, Ф.Кюпрюлезеде, Г.Исхаки, И.Нуруллин, А.Еники, С.Кудаш, Х.Салихзян, Р.Абузяров, Х.Миннегулов, М.Шамсутдинова и др.

По утверждению Р. Абузярова, *«Творчество Тукая имеет и исламские корни. Великолепное знание Корана, знакомство с творчеством лучших*

поэтов Древнего Востока, изучение арабского стихосложения не могло не отразиться на его поэзии: его интимная лирика по-восточному напевна, мудра, афористична, наполнена прекрасными уподоблениями и параллелизмами, а гражданские стихи напоминают проповеднический стиль Корана – торжественным ритмом, поэтическим синтаксисом с его инверсиями, повторами разного рода, риторическими вопросами, обращениями, восклицаниями».¹

Действительно, нравственно-этические, эстетические ценности Корана – величайшего памятника мусульманской цивилизации сопровождали поэта с рождения до последних дней жизни, о чем свидетельствуют произведения, созданные им в больнице Г. А. Клячкина незадолго до смерти.

В первом параграфе первой главы, посвященной истории вопроса, рассматривается **«Отношение татарского литературоведения и литературной критики 1905 – 1917 годов к религиозным мотивам творчества поэта»**. При этом диссертант указывает на существование в оценке коранических мотивов творчества Тукая в татарском литературоведении начала XX века различных принципов. С позиций биографического метода и культурно-исторической школы была глубоко проанализирована духовная лирика поэта в предисловии к посмертному изданию Тукая «Сборник стихотворений» («Мһкмугаи асар», 1914), написанном крупным тукаеведом, основоположником татарской реалистической эстетики Дж. Валиди (1887–1932). Ученый особо подчеркивает исключительную осведомленность Тукая в вопросах ислама, его веру в ат-Таухид – в Единственность Аллаха, Его пророка, Священную Книгу; высоко отзывается о стихах поэта, созданных в подражание сурам и аятам Корана, а также отмечает наличие у него немалого количества произведений, критикующих с позиций исламских ценностей

¹ Абузяров Р. А. Интеграция культур Востока и Запада в творчестве Габдуллы Тукая и его роль в формировании евразийского пространства / Р. А. Абузяров // К истокам евразийской культуры.– Казань, 1998.– С. 30.

невежественных мулл, забывших о народе, нравственные и социальные пороки современного ему общества.

Весьма ценны для осмысления исламских источников творчества Тукая статьи крупного турецкого литературоведа Фуада Кюпрюлезаде (1880 – 1966), опубликованные в 1913 – 1915 годах в журнале «Тюрк юрду» и впоследствии в сокращенном изложении переложенные на русский язык академиком В. В. Бартольдом в журнале «Мир ислама».

В книге «Татарские поэты» (1913) Г. Ибрагимов утверждает, что молодой Тукай, находясь под влиянием известных мусульманских реформаторов Дж. Афгани, М. Абдо и других, воспевал общемусульманские идеалы, представлял «религию, нацию, шариат как одно и то же»,¹ как нераздельное целое; первые литературные опыты и по содержанию, и по стилю являются таклидами-подражаниями популярным среди татар памятнику турецкой литературы «Мухаммадия» М. Челеби (XV в.) и другим религиозно - суфийским произведениям тюркской литературы. Мысль, что начальный этап творчества Тукая, пронизанный общемусульманскими мотивами, должен быть назван периодом «Мухаммадия», созвучна и с высказываниями Дж. Валиди и Ф.Кюпрюлезаде.

С позиций романтической эстетики Г. Ибрагимов обстоятельно анализирует стихотворение «Вечерний азан»² («Кичке азан», 1906) и прослеживает эволюцию миропонимания Тукая как переходного явления от освещения общемусульманских проблем к отражению национальной психологии, души татарского народа как выражения его тоски по утраченным идеалам о государственности и былой независимости.³

Во втором разделе, состоящем из двух параграфов, со ссылкой на труды историков и религиоведов (напр., Р.Набиева), дается краткий обзор атеистической политики советского государства 1917–1985 годов, т.е.

¹ Ибрагимов Галимжан. Татар шагыйрьләре / Галимжан Ибраһимов // Галимжан Ибраһимов. Сайланма әсәрләр: 8 томда: Т. 5. – Казан: Таткитнәшр., 1978. – 118 – 119 б.

² Азан – призыв к молитве.

³ Там же. – С. 117-127.

периодов тоталитаризма и посттоталитаризма. С первых шагов октябрьского переворота 1917 года, в связи с десятой годовщиной смерти Тукая, начинается бурная полемика вокруг его стихов, которая в 1928–1933 годах достигает своего апогея. Вульгарно-социологическая критика (Ф. Сайфи-Казанлы, Г.Тулумбай, М.Максуд, Г.Сагди) ставит в вину поэту веру в Единственность Аллаха, признание Ислама и его Священной Книги как выражения высочайшей справедливости. По утверждению вульгарных социологов, творчество Тукая насквозь пропитано религиозно-мистическим содержанием; характеризуется «смешением в одной куче религии, национализма и социальности»; наследие его, воспевающее идеалы либеральной буржуазии, следует вычеркнуть из литературного процесса.

Видный литературный критик Дж.Валиди, известные писатели Ф. Амирхан, Ф. Бурнаш, Г. Рахим, за рубежом Г. Исхаки всячески пытаются оградить честь, талант народного поэта Габдуллы Тукая от нападков большевиков – вульгарных социологов, сторонников тоталитарной пролетарской идеологии.

В конце 1930-х годов появляется труд молодого литературоведа Гали Халита, назвавшего Габдуллу Тукая поэтом народным, и пытавшегося вернуть тукаеведение на прежние объективно-исходные позиции.

1940 – 1950-е годы – это десятилетие некоторых уступок в отношении к религиозным стихотворениям Тукая, что было причиной включения их в двухтомное Академическое издание 1943 – 1948 гг. (ред. Х. Ярмухаметов).

Однако, в юбилейном сборнике статей, опубликованном в связи с 60-летием со дня рождения Габдуллы Тукая (1948), религиозные стихи обходятся стороной, или же литературоведы ограничиваются повторением стереотипной мысли, что поэт под влиянием русской литературы быстро избавился от реакционного влияния Востока.¹

¹Тукай Габдулла. Шагыйрьнең тууына алтмыш ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары / Габдулла Тукай. – Казан: Татгосиздат., – 1948.– 245 б.

Посттоталитарная эпоха (1956–1985) ознаменовалась появлением серьезных трудов по исследованию мировоззренческих и художественных основ творчества Габдуллы Тукая (Я. Агишев, Х. Усманов, М. Гайнуллин, И. Пехтелев, Г. Халит, И. Нуруллин, Р. Нафиков, Ю. Нигматуллина, Э. Нигматуллин, Р. Бикмухаметов, Н. Юзеев, Р. Ганиева, Ф. Агзамов, Н. Лаисов, А. Исхак, С. Хаким и др.). Этот период характеризуется двойным подходом к проблеме «Тукай и религия». Одни под влиянием вновь усилившейся в стране атеистической пропаганды (1960–1969) представляют поэта революционером, большевиком-атеистом, интернационалистом; а другие выступают против замалчивания его религиозности, что отразилось в оживленной полемике И. З. Нуруллина с Р. И. Нафиговым¹.

В 1971 году публикуется книга З. А. Ишмухаметова «Тукай – атеист». Против причисления поэта к атеистам, отрицания его связей с культурой и религией Ислама выступает А. Еники.

70 – 80-е годы двадцатого века – относительно стабильный период в отношении государства к религии. Появляются содержательные статьи и книги тукаеведов Г. Халита и И. Нуруллина, сумевших в рамках марксистской идеологии с оговорками «об ограниченности», «слабости» мировоззрения поэта реабилитировать исламские традиции и связи его с религиозно-суфийской литературой мусульманского Востока.

Опровергая европоцентристские и марксистские воззрения о консервативности и неполноценности восточных литератур, литературоведы приступают к изучению творчества Тукая во взаимосвязях с тюркоязычными мусульманскими литературами бывшего Советского Востока с выходом на арабоязычную философию и эстетику зарубежья. В этом же аспекте велись интенсивные исследования тукаеведом Р. Ганиевой.

В четвертом параграфе, названном «Оценка наследия Тукая в контексте Восточно-Западных культур», отмечается, что распад советской

¹ Нуруллин. И. З. Шагыйрь икатын лыйрһннь юлында / И. З. Нуруллин. – Казан утлары. – 1966. – № 3. – 120 – 127 б.; Нафигов Р. И. Наш Тукай / Р. И. Нафигов. – Казань: Фикер, 1998. – С.20-32.

Империи способствовал исследованию творчества Тукая без диктата марксистского атеизма и запрета нравственно-эстетических ценностей Корана. Научная объективность в отношении к Исламу, религиозно-суфийским традициям восточных литератур свойственна трудам Т. Галиуллина, Х. Миннегулова, Н. Хисамова, Р. Абузярова, Р. Ганиевой, А. Саяповой, Д. Загидуллиной, Т. Гиляева, Ч. Зариповой, Н. Гафиатуллиной и др.

II глава – «Художественное отражение коранических аятов и хадисов в поэзии Тукая» – посвящена исследованию преемственности художественного мышления поэта с философско-этическими, эстетическими воззрениями, сюжетами, образами, нашедшими отражение в Священной Книге.

В первом параграфе «Тукай о божественной сущности (аз-Зат) и божественных атрибутах (ас-сифат)» говорится о верности поэта главному философско-мировоззренческому постулату Корана – ат-Таухид, и о том, что Аллах является Создателем (Халикъ) всего существующего. Часто встречаются в его стихах и прозе божественные имена Аллах, Тэнгри, Ходай, Небеса (Кък), Мэвла, Илах, Знающий тайны (Серлђр ачучы), Йа Раббе, Тагалэ и др. «Бог, – утверждает он, – Всемогущий, Милосердный, Милостивый, Любящий, Всезнающий, Вездесущий». Излюбленный божественный атрибут у Тукая – Всемогущий. У Него – Вечнотворящего просит он и поэтического вдохновения. Имена Всевышнего органично включены к контекст многих произведений поэта («Пушкину» – «Пушкинђ», 1906; «Свободе» – «Хльрриятђ», 1907; «Праздник в детстве» – «Бђйрђм цђм сабыйлык вакыты», 1907; «Не уйдем!» – «Китмибез!», 1907; «К портрету» – «Бер рђсемгђ», 1908; «Родная деревня» – «Туган авыл», 1909; «Разбитая надежда» – «Лъзелђн льмид», 1910; «Поэт» – «Шагыйрь», 1912; «Толкование? Перевод?» – «Тђфсирме? Тђркеме?»), 1913 и мн. др.).

Тукай подчеркивает, что земная жизнь его, приобщение к Священному Слову есть результат Вечнотворящего Создателя:

*Ходай шунда кан биргън, мин шунда туган,
Шунда љъвъл Корън аятен укыган;*

*Здесь Бог вдохнул в меня душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые мог прочесть.*

Тукай верует в истинность и божественность откровений пророка Мухаммеда, в твердость его духа, когда он подвергался тяжелейшим жизненным и нравственным испытаниям:

*Шунда белдем рђсьлемез Мъхъммѣдне,
Ничек михнѣт, кѣфа къргън, ничек торган.*

*Впервые здесь услышал я о нашем пророке,
Как он страдал, терпел муки, как он жил.*

(Подстрочный перевод)

У поэта нет ни малейшего сомнения в истинности учения Корана, хадисов и, основанных на них предписаний шариата, определяющих исламский образ жизни и религиозную совесть мусульман: «*Шђригатемез — Корън хѣдистер, Корън хѣдис та кыямѣт барачак, анда бер дѣ шик — шльбиѣ юктыр*». «*Шариат наш — это аяты Корана, они будут существовать до Судного дня, в этом нет никакого сомнения*» («*Открытое письмо священнослужителям Уральска*», 1906).

Во втором параграфе исследуется «**Мотив молитвы в творчестве поэта**», являющийся неотъемлемой частью коранической философии и религиозного ритуала. По определению религиоведов, «молитва — это общение с Богом, которое пробуждает в человеческом сердце высокие устремления и дает ему возможность испытать из Божественного источника нравственной мудрости»¹.

Жанр молитвы распространен в литературах христианского Запада и мусульманского Востока. Целый пласт его имеется в русской и татарской литературах Средневековья и Нового времени. Составлена антология

¹ Священный Коран. Двухязычное издание. — Лахор ИНК. США, 1997.— С. 1243.

русской стихотворной молитвы XIX века. К жанру молитвы обращались такие известные русские поэты, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев.¹

Молитвенная лирика присутствует и в творчестве Габдуллы Тукая («Тһһссер» – Впечатление», 1908; «Книга» – «Китап», 1909; «Ана догасы» – «Молитва матери», 1909; «Таян Аллага» – «Надейся на Бога», 1909; «Кичке телһк» – «Вечерняя мольба», 1912). Некоторые из них являются назира, т. е. творческими переложениями из русской духовной поэзии.

Необходимо подчеркнуть, что Тукай всю свою короткую жизнь пронес благоговейную любовь к гениям русской литературы Пушкину и Лермонтову. Он неоднократно подчеркивал воздействие их лирики на свое творчество. «Беру пример с Пушкина и Лермонтова, постепенно поднимаюсь на поэтические высоты», – писал он в стихотворении «Размышления одного татарского поэта» (1907). За неделю до смерти он еще раз осознает преемственность собственного творчества с традициями пушкинской и лермонтовской музыки:

*Пушкин, Лермонтов – два солнца – высоко вознесены,
Я же свет их отражаю наподобие Луны.*

(Перевод В. Ганиева)

В свою очередь и сами русские поэты, как бы и волею судьбы, были подвержены влиянию исламской цивилизации. Как «ангела утешенья», принесшего «талисман со святыми словами», вспоминает А. С. Пушкин Коран в годы южной ссылки:

*В пещере тайной, в день гоненья
Читал я сладостный Коран.²*

Отсвет «сияющего Корана» можно обнаружить в цикле стихотворений А. С. Пушкина «Подражания Корану» (1824), являющихся вольным переложением отдельных сур и аятов Священной Книги мусульман.¹

¹ Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике 19 в.: логика жанровой эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Афанасьева Э. М. Томский гос. педогог. ин-т. – Томск, 2000. – 3 – 22 с.

² Пушкин А. С. Соч. в трех томах. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: поэма /А. С. Пушкин. – М.: Худ. лит., 1985. –Т. 1. – С. 376.

У Габдуллы Тукая имеется несколько стихотворений, посвященных памяти А. С. Пушкина, и немало переводов из его лирики. Однако, в разработке религиозных мотивов татарского поэта привлекал опыт М. Ю. Лермонтова. В этом можно убедиться на примере «Впечатления» (1908), как указывает сам Тукай, являющегося подражанием стихотворению Лермонтова «Молитва» (1839).

При всем индивидуальном и национальном своеобразии архитектоники, стихотворения Тукая и Лермонтова схожи по содержанию, специфике жанра и религиозно-ритуальных традиций. В тяжелые минуты мучительных раздумий лирические герои стихотворений «Впечатление» и «Молитва» с мольбой о милосердии обращаются к Богу. У Лермонтова он «твердит наизусть чудную молитву»:

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

Лирический герой Тукая тоже читает «изумительную суру из Корана»:

*Гомернеһ иһ кайсыз, уһайсыз бер минутында,
Укыйм тиз – тиз кьһелдһн бер гакаиб сьрһ Корьһннһн...*

*В самые тяжелые, грустные минуты жизни,
Читаю я наизусть изумительную суру из Корана.*

(Подстрочный перевод)

Установление диалога с Богом – это первый структурообразующий и жанрообразующий элемент в молитве Лермонтова и Тукая. Далее происходит литературно-эстетическое раскрытие чувственного мира молящихся, впадающих в экстаз и переживающих катарсис:

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –*

¹ В двадцатом веке «Подражания Корану» переложены на татарский язык поэтами С. Сунчалеем и Зульфатом.

*И верится, и плачется
И так легко, легко.*

Процесс духовного освобождения и очищения тукаевского лирического героя от тягостных дум дан намного шире и полнее в метафорических образах «слез-жемчугов» в духе восточной романтической поэзии:

*Оча дилдһн бьтен шик – шьбцһлһр, цһм мин елый баилыйм:
Яһакларны мькаддһс кһз яшемлһ энкели баилыйм.
Бьтенлһй сафлана кһһелем; укыйм иман, булам мьэмин;
Килһ рһхһт киһеллеклһр: хһлас булам авыр йькдин.*

*Улетучиваются все тревожные сомнения, и я начинаю плакать,
Украшив свои щеки жемчужинами – священными слезами.
Полностью очищается душа, читаю молитву, становлюсь правоверным,
Наступает блаженное облегчение, уходит груз тяжелых дум.*

(Подстрочный перевод)

Сопоставительный анализ стихотворений «Впечатление» Тукая и «Молитва» Лермонтова показывает, что поэты очень близки друг другу в главном – в утверждении роли Священного Слова в духовном просветлении и возрождении человека («Есть сила благодатная в созвучье слов живых»). Однако мысль, что молитва возвышает дух человека, у Тукая выражена и ритуально, и эмоционально ярче, как Славословие – панегирик в честь величия Всевышнего:

Иям баш сһкдһгһ: «Аллацехак! Аллацеһкбһр!» – дим.

Совершаю земной поклон: «Аллах есть Истина! Аллах велик!»

(Подстрочный перевод)

Таким образом, в молитве Тукая «Впечатление» кульминацией веры является убежденность лирического героя в милосердии Бога.

Кроме молитвы «Впечатление», в которой соблюдены все признаки жанра, у Тукая имеются стихотворения с элементами сюжета и ритуально-просительным дискурсом о благополучии ближних. Такова «Молитва матери» («Ана догасы», 1909), в которой на фоне зимней деревенской лунной

ночи нарисована картина экстатической мольбы матери о ниспослании божественного милосердия – земного счастья ее сыну.

*Кънтѣргѣн кул догага, яд итѣ ул шунда нъз угълын:
Ходаем, ди, бѣхетле булсайде сльгѣн, газиз угълым!*

*Руки подняты в молитве и тут вспоминает она своего сына:
О Всевышний, пусть будет счастливым, мой любимый сын!
(Подстрочный перевод)*

В стихотворении «Надейся на Бога», органично сращенном с жанром **проповеди**, Тукай призывает ангелоподобного, чистого душой ребенка «с усердием и искренне совершать молитву и искать верный, праведный путь в жизни, обращаясь лишь к мудрости и «всеохватывающей милости Аллаха»:

*Кыйл дога, ихлас белѣн тезлѣн дѣ каршына [...]
Рѣхмѣте бик киѣ аныѣ, таян син Аллага!*

В «Книге» («Китап», 1909), являющейся творческим переложением одноименного произведения Н. И. Позднякова, сохранены жанровые и идейно-художественные особенности молитвенной лирики, указаны роль и значение Божественного Слова в физическом и духовном возрождении людей («Рѣхѣтлѣнеп китѣ шунда жаным, тѣнем»). Тукай утверждает, что «каждый стих Корана, каждое его Слово – это путеводная звезда», надежда и опора на нелегком жизненном пути:

*Укып барган џѣрбер юлым, џѣрбер сѣзем
Була минем юл кѣрсѣтѣче йолдызым.*

Молитвенно-ритуальные детали, образы, мотивы нередко встречаются и в произведениях Тукая, созданных на нравственно-социальные и литературные темы («Фатима и соловей» – «Фатыйма белѣн сандугач», 1910; «Дача» – «Сайфия», 1911; «Вечернее желание» – «Кичке телѣк», 1912).

Образцы текстов молитв и проповедей, прочитанных известными хазретами г.Уральска Мотыгуллой и Сибгатуллой, включены в тукаевские письма, адресованные сестре Саджиде и родным Абдуловым.

Наблюдаются и случаи использования Тукаем мотива молитвы в целях сатирико-юмористического описания поступков героев (напр., борца

Карахмета) и создания комической ситуации в поэме «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» («Печән базары, яхуд Яһа Кисекбаш», 1908).

В отдельных случаях молитвенные обращения к Богу приобретают форму проклятий (бәддога-каргыш) за содеянное зло. Элементы их присутствуют в рассказе – переложении с русского языка «Не свети, луна!» («Ай, бат!», 1907) и стихотворении «Дача» («Сайфия», 1911)¹.

Третий параграф второй главы **«Художественное отражение коранической этики в произведениях Тукая»** посвящен рассмотрению главной ценности мусульманской цивилизации – проблеме разума и знания на примере творчества татарского поэта в контексте взаимосвязанных по значению понятий «адаб» – «адабият» – «адиб»² с выходом на антиномичные этические категории – знание и невежество, милосердие и зло.

Вопрос о божественном и человеческом знании является одним из основных в мусульманской этике. Слово «знание» в различных вариациях повторяется в Коране около 750 раз³. И само учение Пророка называлось «ал-илм» (гыйлем – Д.А), то есть наукой, устанавливающей принципы религии.⁴ По исламу, стремление к знанию считалось долгом и обязанностью каждого мусульманина. Однако в условиях Средневековья оно ограничивалось изучением лишь религиозных наук: Корана, хадисов и фикхе. Следуя коранической традиции, особенно в начальный период творчества, Тукай пишет множество стихотворений и публицистических статей, критикующих невежество, призывающих от имени Аллаха к приобретению знаний («В саду знаний» – «Гольмеһ бакчасында»; «Однажды у нас...» – «Чльнанча бездһ...»; «Стихотворение» – «Шигырь»; «Обращение к друзьям» – «Дусларга бер сьз»; «О единении» – «Иттифак хакында»; «Ради любви к Богу» – «Алла гыйшыкына»; «Выяснение нашего современного состояния» – «Хһзерге хһлемезгһ даир» – все 1905; «Судный день» –

¹ Ганиева Резеда. Шагыйрьнеһ рухи дльнясы /Резеда Ганиева. – Казан: ТаРИХ, 2002. – 39 б.

² Адаб – 1) весь комплекс знаний, 2) этика, этикет; адабият – художественная литература; адиб – писатель.

³ Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 95.

⁴ Священный Коран. Двухязычное издание. – Лахор ИНК. США, 1997. – С.58.

«Кыямѣт кълне»; «Наша нация умерла или только спит» – «Безнеѣ миллѣт ългѣнме, ѣллѣ йоклаган гынамы?»; «Так-сяк» – «Алай-болай»; «Открытое письмо уральским имамам» – «Уральск имамнарына ачык хат» – все 1906).

Будучи поэтом новой исторической эпохи, Тукай вложил в понятие «кораническое знание» более широкое содержание: оно должно служить воспитанию совершенного человека. Свой идеал он художественно воссоздал в стихотворении «Шигаб хазрет» (1913) в образе религиозного реформатора Шигабутдина Марджани (1818–1889), проявившего пример толерантного религиозного свободомыслия, как пророк Мухаммед в далеком прошлом в истории ислама¹. Поэт высоко ценит Ш.Марджани за независимость рассуждений в религиозных вопросах («кемнѣн алдык дин фикрендѣ истиклялне» – бѣйсезлекне. – Д. А.); за обладание силой воли выступить против «налипшей на религию грязи» («агаралар дини керлѣр») и слепого следования авторитарной устаревшей религиозной традиции, т. е. «нѣкыл» («Булып бетми аныѣ гаклы нѣкылга кол»). Просветитель Ш. Марджани дорог Тукаю и защитой приоритета разума в религиоведении («Бар дип белѣ хаким гакыл вѣ хлѣр гакыл»), а также раскрытием многих тайн смыслов Корана («Аѣлагачтын Корѣндѣге бик кѣп серлѣр»).

Антиномичная кораническая этика «знание – невежество», лежащая в основе представлений мусульманских народов о добре и зле, иллюстрируется диссертантом и на примере других произведений Габдуллы Тукая.

В III главе «Традиционализм и канон в творчестве Габдуллы Тукая» предлагается герменевтический анализ роли литературных традиций и восточного канона в соотнесенности с кораническими мотивами, сюжетами и образами. Со ссылкой на труды зарубежных и российских ученых диссертант показывает многофункциональный характер традиционализма и канона в литературах мусульманского Востока, иллюстрирует их конкретное преломление на примере различных разновидностей жанра назира

¹ Священный Коран. Двухязычное издание. – Лахор ИНК. США, 1997. – С.159.

(буквально по-русски «перепевы», «парафразы»)¹. Если перевести с арабского, *назира* означает подобие, ответ, следование, тождество, соперничество, зависть, выход на встречу – всего десять терминов.²

В первом параграфе III главы рассматриваются «Подражания – *назира* Тукая на коранические сюжеты и мотивы». В средневековых литературах мусульманского Востока стихи переводились лишь в исключительных случаях, в большинстве случаев создавались так называемые *назира-подражания* на произведение предшественника или современника на ту же тему, сюжет, с теми же образами и атрибутами художественной формы, но с частично измененным или совершенно новым содержанием.³

Традиция писать *назира* – таклиды не утратила своего значения в литературах Востока по сей день. Немалое количество *назира-подражаний* было создано в татарской литературе начала XX века, Тукаем в особенности. Публицистическая статья «Судный день» («Кыямѣт кльне», 1906) – первая *назира* поэта на 75 кораническую суру, представляющую главный композиционный центр со множеством сюжетных линий в Священной Книге мусульман⁴.

Существует двойное толкование названия этой суры: как день Великого Воскресения после гибели солнечной системы и как день страшной кары для грешников с устрашающими картинами адских мук.

Под впечатлением событий Первой русской революции 1905 – 1907 гг. Тукай переосмыслил события, описанные в сурах Корана, вложил в них содержание современной ему российской действительности. Народная революция показана им в символическом образе «зари возмездия» («кѣза таһы»), устрашающей мучениями в аду противников национального

¹ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. Избранные произведения /Е. Э. Бертельс. – М.: Наука, 1960.– Т.1.– С. 314 –315.

² Куделин А.Б. Арабская литература (поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи) /А. Б. Куделин.– М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.231.

³ Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая / Р. К. Ганиева. – Казань. – 1964.– С.42-47.

⁴ Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XIIвв.) /Б. Я. Шидфар. – М.: Наука, 1974. – С. 67.

прогресса, свободы слова, забывших о народе священнослужителей и тех, кто неуважительно относится к религии и Корану. В диссертации приводится таблица, сопоставляющая особенности текстологических схождений, заимствований Тукая из Корана и подтверждающая вывод о том, что статья его «Судный день» – это назира-«подобие» на аяты из различных сур Священной Книги.

У Габдуллы Тукая немало назира-подражаний, написанных на коранические мотивы в форме «противопоставления», т.е. «выхода на встречу». Одно из них – «Быть мусульманином по «татарской религии» («Татар диненчѣ мълселман булу», 1906), в котором был использован 19 аят шестой суры в сатирических целях, для высмеивания современных поэту лжеишанов и их последователей – суфиев, забывших об имане, т.е. о кардинальной проблеме ислама о вере и признании истинности Аллаха.

Тукай известен и как создатель жанра сатирической хутбы – проповеди. Жанр этот, созданный на основе традиции назира – «противопоставления», иллюстрируется диссертантом на примере анализа фельетона «Вводная хутба» («Керешъ хотбѣсе», 1910).

Жанр хутбы, известный еще со времен Пророка, каноничен: состоит из панегириков в честь Аллаха, пророка Мухаммеда, халифов (правителей) и пожеланий благополучия мусульманам. В «Вводной хутбе» Тукай далек от пародирования первоисточника, его традиционного содержания и жанровой специфики. Применительно к новой исторической эпохе задача его иная: ссылаясь к стилизованным цитатам из Корана, молитвам, увещеваниям, трансформировать, переосмыслить высокопарную хутбу в проповедь, проклинаящую всех тех, кто подпав под влияние шайтана, лишился человеческих качеств и превратился в противника прогресса татарского народа.

Шедеврами тукаевской религиозной лирики являются стихотворения «Вознесение» («Мигъраж», 1910) и «Ночь Величия» («Кадер кичѣсе», 1911). В обоих стихотворениях нашли отражение сюжеты и события, связанные с

биографией пророка и восходящие к кораническим аятам сур 17 и 97. В «Вознесении» поэт отражает распространенный в мусульманских и европейских литературах сюжет о восхождении пророка Мухаммеда к престолу Аллаха с ниспосланным ему Кораном («Ашты кодрġтлэ сġмавġткġ бу кич Корġġн янġ») – «Вновь по велению Аллаха Коран вознесся в эту ночь на небеса»). При этом Тукай остается верным смыслу сур и аятов Корана и хадисов, а также устоявшейся литературной традиции назира – «следования».

Разновидностью назирьы – «подобия» является стихотворение «Ночь Величия», в котором Тукай следует содержанию и смыслу коранической суры «Лайлат ал-Кадр» (97:5). Именно в эту «священную ночь», утверждает поэт, мусульмане удостоились великой чести: было ниспослано Пророку первое кораническое откровение, очищающее человеческие «души-зеркала» мусульман «от пятен», приносящее миру униженных, слабых, вдов, сирот, калек божественное благословение, сочувствие и душевное успокоение.

Гуманистическая мысль о необходимости обновить отношения между людьми выражена в образах ангелов, спустившихся с небес, собравших людские слезы, превратив их в жемчуга, украсивших божественный престол:

*Къз яшеннġн, тġрле рġнкештġн ясап зур энġселġр,
Ул мġлаик гарше-кġрсине бизġр ѡġм энкелġр.*

*Превратив эти слезы и страдания в жемчуга,
Украсят ангелы узорами небесный трон.*

(Подстрочный перевод)

Как уже заметили, одно из важнейших мест в художественном мышлении Тукая и его современников занимало создание назирьы на произведения русских поэтов Пушкина и Лермонтова. В 1910 году в письме С.Сунчелею (автору назирьы на «Подражания Корану») Тукай писал: «Вот Сагит Рамиев перевел Пророк» Пушкина, а я, ваш покорный слуга, «Пророк» Лермонтова. Переводы обоих получились довольно-таки удачными».¹

¹Тукай Габдулла. Әсәрләр. Г. Халит редакциясендә. 5 томда. Т.5. Истәлекләр. Юльязмалар. Хатлар. Мәсәлләр һәм балалар өчен хикәяләр. (1902 – 1913) / Габдулла Тукай. – Казан: Таткитнәшр., 1986.– 97 б.

Образы пророков у Лермонтова и Тукая в типологическом плане очень схожи. Оба они носители праведного Слова, Божественной истины. Лермонтовский пророк провозглашает «любви и правды чистые ученья», тукаевский пророк, читая «пламенные аяты» – стихи Корана, призывает людей «к любви и согласию». Оба подвергаются насмешкам, оскорблениям, преследованиям и гонениям. В то же время татарский поэт в свою назирю привносит много нового: меняет размер, ритм, строфику, количество стихотворных строк, а также обращаясь к сунне (примеру жизни Мухаммеда) и литературно-эстетическим канонам восточных литератур, создает омусульманизированный образ пророка.¹

Во втором параграфе III главы обстоятельно рассмотрены «Проблемы интертекстуальности произведений Тукая», воссозданной цитатами, реминисценциями, аллюзиями, взятыми из сур и аятов Корана.

Интертекстуальностью насыщена вся лирика и сатира Тукая. Рассмотрению литературно-эстетической функции различных видов и форм интертекстуальности посвящены параграфы: 1) цитаты (использование поэтом сознательно или бессознательно, точные или неточные, закавыченные или раскавыченные выражения, отрывки из аятов и сур Корана); 2) реминисценции (включение в художественный контекст коранических сюжетов, образов и изречений); 3) аллюзии (намекы на современную действительность со ссылками на известные хадисы и коранические стихи).

В диссертации проанализировано большое количество произведений, в которых Тукай, пользуясь цитатами, реминисценциями, аллюзиями, вводит читателя в постоянный диалог с кораническим текстом для утверждения идеалов о национальном прогрессе или же в целях сатирического отрицания нравственных и социальных пороков татарского общества начала XX века.

¹ Ганиева Резеда. Пўйгамбўр (Пророк) // Шагыйрьнең рухи дльнясы. – Казан: ТаРИХ, 2002. – 29 -32 б.

Заключение. Сто лет тому назад, в 1905 году увидели свет первые печатные стихотворения Габдуллы Тукая, гордости татарской литературы начала XX века. Он пришел в литературу как поэт, воспитанный на традициях мусульманского Востока. Свою приверженность к гуманистическим ценностям Корана, исламской цивилизации Тукай сам неоднократно подчеркивал. Сращенность художественного мышления татарского поэта с религиозно-суфийской литературой отмечали известные литературоведы и писатели Дж.Валиди, Ф.Кюпрюлезаде, Г.Ибрагимов. С точки зрения принципов биографического метода, культурно-исторической школы они дали объективную оценку кораническим мотивам в творчестве Тукая.

Общественно-политические катаклизмы 20-30-х годов двадцатого века были причиной отрицательного отношения вульгарно-социологической критики к религиозной лирике поэта, объявления его наследия чуждым для строителей социализма. Реабилитация Тукая как народного, общенационального поэта, начатая еще перед второй мировой войной, продолженная в годы тоталитаризма и посттоталитаризма, дала свои парадоксальные результаты: он был причислен к числу поэтов-революционеров и атеистов.

Марксистская критика, считавшая, что религия должна постепенно исчезнуть, просчиталась. В России конца XX – начала XXI веков началось возрождение традиционных религий: христианства и ислама. Переоценка ценностей обусловила и наше обращение к исследованию темы «Коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая».

Исследование связей творчества Тукая с коранической философией, эстетикой и этикой в диссертации велось по двум взаимопересекающимся линиям: восточного традиционализма и западноевропейской интертекстуальности. В процессе анализа большого количества произведений было выявлено, что кораническими цитатами, реминисценциями, аллюзиями изобилует не только религиозная лирика

поэта, но и произведения светского содержания. Заслужой Тукая является и то, что он первым среди татарских поэтов начал писать различные виды назира не только на коранические суры, и духовную лирику русских поэтов, М.Ю.Лермонтова в особенности. Вышеизложенное еще раз подтверждает, что творчество Тукая – нерасторжимый синтез религиозных и светских мотивов, восточно-западных литературно-эстетических традиций, подготовивших духовное возрождение татарского народа в начале XX века.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Абдуллина Д. М. Тукайның дини эчтәлекле шигырьләре (Стихи Тукая на религиозную тематику) / Д. М.Абдуллина // Фәнни язмалар. – 2001. – Казан РИЦ «Школа», 2002. – 179 – 183 б.
2. Абдуллина Д. М. Г. Ибраһимовның «Татар шагыйрьләре» китабында Г. Тукайның дини карашларына мөнәсәбәте (Отношение Г. Ибрагимова к религиозным воззрениям Г. Тукая в книге «Татарские поэты») / Д. М. Абдуллина // Милли мәдәният. – 2003. – №3. – 71 – 72 б.
3. Абдуллина Д. М. Тукайның «Кыямәт көне» мәкаләсенә Коръән белән уртаклыгы (Общность содержания статьи Тукая «Светопреставление с кораническими мотивами») / Д. М. Абдуллина // Милли мәдәният. – 2003. – №3. – 104 – 107 б.
4. Абдуллина Д. М. 20 нче еллар әдәби тәнкыйте Г. Тукайның дингә мөнәсәбәте турында (Литературная критика 20-х годов об отношении Тукая к религии) / Д. М. Абдуллина // Фәнни язмалар. – 2003. – Казан РИЦ «Школа», 2004. – 3 – 9 б.
5. Абдуллина Д. М. Г. Тукай әсәрләрендәге әхлакый – эстетик карашлар һәм Коръән кануннары (Нравственно-эстетические воззрения Г. Тукая и коранические изречения) / Д. М. Абдуллина // Милли мәдәният. – 2005. – №7. – 4 – 9 б.

